

Н. А. Шевчук

*Институт социальных наук Одесского национального университета
им. И. И. Мечникова*

**СТАТУС ИНОСТРАНЦА-КОЛОНИСТА В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ: ПРАВО И РЕАЛЬНОСТЬ
(вторая половина XVIII - первая половина XIX века)**

Розглянуті факти поведінки іноземних переселенців, які отримали в Російській імперії у XVIII-XIX ст. правовий статус колоністів. Проаналізований один з типових випадків, пов'язаних з порушенням встановленого правового режиму.

The real facts of foreign colonists behavior are considered in the article. The author points one of the typical examples of the legislation violation.

Российская иностранная колонизационная политика XVIII-XIX вв. определялась манифестами Екатерины II 1762 и 1763 гг. и манифестом Александра I 1804 г. [4, собр. 1-е, т. 16, № 11720, 11880; т. 28, № 21163; 5]. В них содержались условия переселения в Россию и предоставляемые права, включая привлекательные льготы и привилегии как, например: проезд к определенному месту жительства с возможностью предоставления денег на путевые расходы, обязательство принятия присяги на верность новой родине и императору, свобода вероисповедания, освобождение от «всяких налогов и тягостей» на разные сроки; беспроцентная ссуда на 10 лет на строительство домов, приобретение сельхозинвентаря и инструментов, обзаведение хозяйством; самоуправление в колониях, освобождение от несения военной и гражданской службы, сохранение свободного возвращения на свою прежнюю родину.

В дальнейшем российское государство принимало новые законы, регулировавшие правовой статус иностранных колонистов. Например, в 1857 г. был принят новый «Устав о колониях иностранцев в империи» [6, т. 11, ч. 1; т. 12, ч. 2]. Он дополнял и конкретизировал социальный и правовой статус колонистов. В 1862 г. в Одессе был издан отдельной книгой «Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи» с параллельными текстами на немецком и русском языках. Он содержал опубликованные ранее законодательные положения об иностранных колонистах и был более удобен в пользовании.

Особое значение имел закон от 4 июня 1871 г., именуемый «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на

казенных землях», предусматривавший ликвидацию самоуправления в колониях и приравнивание колонистов к категории сельских жителей [4, собр. 1-е, т. 16, № 11720, 11880]. Он запрещал возможность двойного гражданства, давая при этом право на свободный выезд из России без взноса в казну части нажитого ими капитала. Данный законодательный акт не содержал каких-либо негативных последствий для колонистов, хотя и вызывал опасения в их среде, в том числе усиливал эмиграционные настроения [1].

По прибытии в Россию иностранных переселенцев знакомили с местными законами и традициями. Они принимали присягу на верность императору, давали так называемое клятвенное обещание, текст которого был стандартным. Понятно, что для полного усвоения новых законов и традиций требовалось время. В реальной жизни иностранные переселенцы нередко вступали в противоречие с российскими законами.

Иностранная колонизация в России второй половины XVIII - первой половины XIX в. носила, наряду с ремесленным, фабричным и торговым направлением, выраженный земледельческий характер. Она предусматривала освоение малозаселенных и вновь приобретенных земель, а также создание образцовых хозяйств, которые служили бы примером для местного крестьянства. С этой целью российское государство выделяло земли, на которых организовывались колонии.

Таким образом, это были сельские поселения. Колонисты каждого селения составляли самоуправляемое мирское общество. Из каждой колонии избирался сельский приказ, состоявший из старосты и двух заседателей. Выборы проводились большинством голосов «из совершеннолетних колонистов, имеющих свое хозяйство, рассудительных, справедливых, добрых в поведении, прилежных и примерных в хозяйстве» [8, с. 7]. Выборным образом создавался также окружной приказ. Избранные должностные лица утверждались высшим государственным органом - Попечительным Комитетом об иностранных поселенцах. Принятие новых членов в уже организованные колонии решалось самим колонистским сообществом. Если ходатайствующий о принятии в колонию не обладал необходимыми добродетельными и хозяйственными качествами, определяемыми нормативными документами для статуса колониста, то он мог получить отказ. Равно как и несоответствующее статусу колониста поведение любого члена колонии могло повлечь за собой исключение из сообщества и даже высылку на свою прежнюю родину.

К вопросу о правовом статусе иностранных колонистов в Российской империи обращались в той или иной мере большинство специалистов, кто исследовал историю иностранной колонизации в России. Появляются также и новые специальные исследования проблемы [7].

Рассмотрим и проанализируем социально-правовую ситуацию; в которой оказался приехавший в Россию Карл Людвигович Кармазин. Документы о нем сохранились в Государственном архиве Одесской области и прослеживаются в течение 1820-1836 гг. Его дело возникло в связи с обнаружившимися фактами нарушения им российских законов, и, как и в других частных случаях, послужило примером для принятия государственными органами конкретных мер юридического характера.

Кате следует из взятых у Кармазини Екатеринославской Конторой иностранных поселенцев 9 августа 1820 г. показаний, возрастом он был 47 лет, лютеранского вероисповедания, родом из местечка Челаковице в Австрийской империи [2; 5, с. 36, 37]. Его отец, Филипп Кармазини, служил в австрийской армии в звании капитана. Мать носила имя Вероника. До 8-летнего возраста он воспитывался родителями, а затем был отправлен для обучения в столичный город Вену.

Оттуда, после восьми лет обучения, Кармазини отправился в Прусское королевство в университет в г. Галле «для совершенствования в науке».

Пробыв там один год, вместе с товарищами «поступил с охотою» на военную службу в расквартированный в Силезии гусарский полк прусского генерала Волфарта. По-видимому, в 1796 г., а не в 1786 г., как ошибочно указано в документах (чего не может быть с учетом возрастных данных), участвовал в боевых сражениях «против французов и поляков». В бою был «ранен в правую ногу, спину, левое плечо и пальцы левой руки, за что в 1797 г. пожалован вахмистром» [2, л. 37].

Находясь в лазарете при городе Кенигсберге, Кармазини в 1806 г. получил от подпоручика драгунского полка Иозефа Панвица приглашение поехать в Россию. Далее, как сообщил Кармазини, Панвиц добился ему через знакомого адъютанта генерала Канкрейта (в другом написании - Калькрейта) отставки от военной службы «с документом на чин штаб-ротмистра», который на самом деле никогда ему пожалован не был [Там же, л. 7 об., 37, 38]. Он заявил, что для этого дела передал предварительно Панвицу 40 рейхсталеров [Там же, л. 11 об.]. В архивном деле имеется документ на немецком языке о пожаловании Карлу Людвигу Кармазини чина «премьер-лейтенанта», выданный в Берлине и подписанный фельдмаршалом Блюхером [Там же, л. 6-6 об.].

Как следует из показаний Кармазини, в 1806 г. вместе с женой и двумя детьми он приехал в Лемберг (Львов). Оттуда, следуя по пути через Броды, Радзивилов и далее уже в сообществе 17 семей-переселенцев, он приехал в Россию, где был принят в г. Санкт-Петербурге. После регистрации был направлен, с другими переселенцами, в расположенную близ города Ижорского образования колонию Косынку [Там же, л. 38 об., 39].

В России, еще в начальный период иностранной колонизации, было принято решение об образовании колоний вблизи Санкт-Петербурга. Часть иностранных переселенцев, имевших ремесленные специальности, были поселены в Петербурге, Москве, Ревеле (Таллине). Из основанных около Санкт-Петербурга колоний часть колонистов, главным образом на добровольной основе, переселялись на другие территории. Например, около полутора тысяч колонистов выехали оттуда в 60-е годы XVIII в. на поселение в Украину. Их поселили на пустовавших землях графа

П. А. Румянцева-Задунайского у городка Белая Вежа в районе Чернигова [3, с. 107]. Как сообщал Кармазини, по причине «неудобности тамошних мест к земледелию», в 1811 г. он был отправлен вместе с 42 другими семьями из колонии Косынки под Санкт-Петербургом в Новороссийский край. По прибытии в г. Екатеринослав в 1812 г. был определен на квартирование в колонию Иозефсталь Новомосковского уезда Екатеринославской губернии.

Из объяснений Кармазини явствует, что он, будучи неспособным к занятию земледелием, попросил в Екатеринославской Конторе «на один месяц билет» (т. е. документ на право законного отлучения из колонии) и «пошел к управителю имением княгини Прозоровской» [2, л. 8, 43]. В ее имении пробыл два месяца, после чего оказался в Екатеринославской губернии у помещика Петра Ивановича Гавриленко, у которого прожил 4 месяца [2, л. 43]. Вернувшись в колонию Иозефсталь, прожил там «половину зимы» и, по дознанию Екатеринославской Конторы, «без ведома начальства местного» нанялся «к Екатеринославской губернии Павлоградского уезда майору Воронцову», у которого прожил два года [2, л. 12, 43]. Конторой было установлено, что причиной его незаконного отлучения из колонии стало отсутствие денег, которые следовало в размере 10 рублей уплатить за получение паспорта [Там же].

Документы позволяют установить переходы Кармазини «в услужение» от одного хозяина к другому. От майора Воронцова он перешел к помещику Якову Герасимовичу Руденкову, спустя 8 месяцев - к помещице Марье Петровне Наковальниной, у которой прослужил 2 года 8 месяцев [Там же]. После около 10 дней, проведенных в колонии Рыбальск, определился на службу к помещику Новомосковского уезда Акиму Сергеевичу Клевцову, а через 8 месяцев - к помещику Полтавской губернии Кондрату Акимовичу Бродскому, от которого через один год перешел к помещице Екатеринославской губернии Павлоградского уезда Александре Тимофеевне Корсаковой [Там же, л. 12, 44].

Обратим внимание на условия заключенного при поступлении на службу договора Кармазини с управляющим по доверенности экономией госпожи Корсаковой Иваном Тимофеевичем Селогеновым. Согласно договору, Карл Кармазини со своею женою Марьей Карловной получал право на проживание в господском дворе в селе Доброволье, где они «должны иметь неусыпный присмотр за разного роду растениями садоводства, а равно же за лошадьми господскими», их выездкой согласно собственным навыкам «берейторского искусства» [2, л. 22]. Жена его была обязана «делать два сорта немецкого сыра и масло и иметь также неусыпный и рачительный присмотр за рогатым скотом»

[Там же]. За выполнение такой работы полагалось жалованье 400 рублей серебром в год, а также провизия: хлеба ржаного и пшеничного — по 4 четверти, крупы гречневой, ячменя, проса - по 1 четверти, пшеница - 2 четверти, масла коровьего и конопляного - по 1 пуду, кабанов кормленных - 2, «баранов с кожами - 6». Кроме того, для пары лошадей - овса по 2 меры и «сена столько, сколько потребно будет», «работницу и сторожа на господском содержании». Сведения, содержащиеся в договоре, заверены лично Кармазини и свидетелем Иваном Копером [Там же, л. 22 об.].

В оправдание своих поступков Карл Кармазини указывал на то, что он был записан в колонию еще с 1792 г. (?) и считал, что «навсегда в оном оставаться будет», что его действия были совершены по незнанию законов российских. Он также утверждал, что «с самых молодых лет своих не упражнялся в полевой работе и потому ныне не в состоянии обрабатывать колонию хозяйства» [Там же, с. 15, 15 об.]. Что касается незаконно выданного ему документа о присвоении офицерского чина, то, как следует из документов, Кармазини его «не употреблял во зло и не имел намерения оным воспользоваться», а с переходом его «в колонию» звание сила этого документа была утрачена [Там же, л. 12 об, 45, 46]. Кармазини пожаловался на то, что его сын, «который должен быть единственною подпорою», без разрешения отца поступил в 1819 г. на службу в Ахтырский гусарский полк. Обращение к командиру полка с просьбой отпустить сына к семье не возымело действия [Там же, л. 8, 15 об.]. На полученный официальный запрос Ахтырский гусарский полк уведомил Попечительный Комитет, что «сын К. Кармазини 31 января прошлого года (1819 г. - Я. III.), приказом дивизионного командира определен в оный полк на службу рядовым на праве вольноопределяющихся,

в каком звании и ныне находится и по спискам показывается из иностранцев австрийской нации» [2, л. 31].

Отягчающим обстоятельством в жизни Кармазини был числившийся за ним, как за колонистом, денежный долг в размере 1285 рублей серебром 11 копеек, который надлежало возратить государству по истечении 10 льготных лет [Там же, л. 33 об.]. В одном из документов Екатеринославской Конторы общий долг Кармазини показан в сумме 1551 рубль 11 копеек [Там же, л. 2]. Эта сумма превышала прежнюю на 266 рублей, которые, как можно предположить, числились среди денежных расходов по ведомству Конторы. Кармазини просил, «по уважении бедности его» и отсутствия помощи со стороны сына, рассрочить выплату долга с тем, чтобы платить не более 50 рублей «каждую треть года» [Там же, л. 3].

Допущенные Кармазини нарушения закона стали основанием для взятия его под надзор полиции. Однако Попечительный Комитет, принимая во внимание весьма затруднительное положение Кармазини, принял решение отпустить его на три месяца, до решения дела, в Новомосковский и Павлоградский уезды «с письменным видом, обязав его подпискою доносить о своем местопребывании» [Там же, л. 53]. Об этом было сообщено в Министерство внутренних дел, которое 30 декабря 1820 г. направило Попечительному Комитету ответный документ за подписью его управляющего графа В. П. Кочубея. В нем отмечалось, что Комитет не объяснил, «на чем основал решение свое об отпуске человека, суду подлежащего за ложное о себе показание, из-под присмотра полиции и посему могущего иметь легкий способ укрыться от должного по законам наказания» [Там же, л. 53]. Попечительному Комитету было поставлено на вид и предложено дать соответствующее объяснение.

11 марта 1821 г. Попечительный Комитет, в направленном МВД обосновании своей позиции, указывал на то, что «предание его, Кармазини, суду вовлекло бы его не только самого, но и все семейство его в совершенной разорение». Проступки же допущены «по иностранству его» и «незнанию российских законов», а предъявленный им фальшивый документ об офицерском звании не был использован [Там же, л. 63 об.]. С учетом этого было заключено о возможности облегчения ему наказания. Вместе с тем Попечительный Комитет не видел возможности для оставления Кармазини в России, т. к. «колонистское общество по неблагонадежности его» принять своим членом и таким образом подтвердить статус колониста не соглашается. Да и он сам признавал себя к нему неспособным. Отказ в приеме Кармазини в

другие сословия из-за его денежного долга государству, по мнению Комитета, вел к тому, что он «оставался бы навсегда бесполезным бродягою» [2, л. 64]. Комитет вносил предложение не взыскивать с него долг, т. к. он значителен, а переложить его «на тех помещиков, которые передержали его у себя без письменного вида» [Там же, л. 64 об.]. Другое важное предложение, обобщающее данный частный случай, касалось немедленного требования от земской полиции сообщать о всех случаях «передержания помещиками подведомственных Комитету колонистах», чтобы судить их как «за передержательство помещичьих беглых людей», а взимаемые за это штрафные деньги направлять «на колониальные богоугодные заведения» [Там же, л. 65 об.].

Следующее важное предложение, тоже обобщающего характера, связано было с ходатайством, на: примере рассмотрения дела Кармазини, о запрещении принимать колонистов на военную службу без ведома и согласия органов МВД по управлению иностранными колонистами [Там же].

Попечительный Комитет информировал МВД также о том, что разрешил выдавать Кармазини «временные свидетельства на недалекие расстояния» с целью «содержать себя с семейством заработками». Также отмечалось, что по всем пунктам заключения Комитета по делу Кармазини имеется его собственное согласие [Там же, л. 66]. Одновременно Комитет направил в МВД подробную выписку из дела Кармазини.

6 июля 1821 г. Попечительному Комитету был подготовлен ответный документ за подписью управляющего МВД графа В. П. Кочубея. В нем мнение Комитета по делу Кармазини руководство МВД находило «неудобным по следующим соображениям» [Там же, л. 78-79 об.].

1. В связи с тем, что Кармазини уже около 12 лет находится в России и подробно ознакомлен с правами и обязанностями колонистов, то «самовольная его отлучка не может отнесена быть к иностранству его или неведению закона».

2. Заявление его о том, что он ложно присвоенным офицерским званием не пользовался в России есть лишь его собственное показание «без дальнейших исследований».

3. Предложенная Комитетом «высылка его за границу без всякого за учиненные им поступки законного исследования и наказания, и, особенно, без взыскания долга может подать явный повод и другим колонистам нарушать обязанности их».

4. Взыскание «казенного долга» вместо Кармазини «с тех, у коих он проживал без вида, едва ли может быть произведено в действо, когда он выслан уже будет из России».

С учетом вышеизложенного Комитету предлагалось «дать делу сему законный ход», чтобы вынести окончательное решение, которое могло бы включать также и оказание, если нужно, какого-либо снисхождения Кармазини. Весьма важно отметить то, что частное дело Кармазини послужило руководством МВД поводом для обращения в другие правительственные инстанции с целью принятия ими решений общего характера по искоренению распространенных подобных случаев нарушения законности. Управляющий МВД информировал, что предложение Попечительного Комитета о том, «чтобы со всеми теми, кто будут держать колонистов с просроченными паспортами или без оных», поступать «на основании узаконений о передержательстве беглых», представлено в «Правительствующий Сенат для уточнения о сем подтверждения по всем губерниям» [Там же, л. 79]. И уже 18 ноября 1821 г. МВД сообщило о поступлении 10 ноября высочайшего указа из Правительствующего Сената, точно соответствовавшего вышеизложенному предложению Комитета [2, л. 119, 120]. В тексте указа повторялся отмеченный ранее Попечительным Комитетом факт, что незаконные самовольные отлучки некоторых из водворенных колонистов на 5 и более лет («по лености и нерадению», а также по нежеланию платить казне долг) встречаются прежде всего в трех Новороссийских губерниях [Там же, л. 117, 117 об.]. В постановляющей части указа отмечалось: «Согласно вашему представлению, всем Губернским правлениям, Правительствам и войска Донского войсковой канцелярии предписать, чтобы водворенные колонисты нигде без узаконенных паспортов или с просроченными одержимы не были и что если откроется, что кто-либо будет передерживать колонистов, то с таковыми было бы поступать по всей строгости узаконений о передержательстве беглых существующих» [Там же, л. 118]. Штрафные деньги, которые поступали бы за подобные нарушения, предусматривалось оприходовать «на основании общих узаконений».

Кроме обращения в Правительствующий Сенат МВД обратилось также к «начальнику главного штаба его императорского величества об испрошении высочайшего повеления всем военным начальствам», чтобы колонисты, желающие поступить на военную службу, получали бы согласие органов управления иностранными колониями. При этом предусматривалось обязательное информирование об уплате государственного долга самими колонистами или взятыми на себя обязательствами их родственниками [Там же, л. 79 об.].

МВД уведомило Попечительный Комитет, что по поступившим от него представлениям от 3 сентября и 5 октября 1821 г. «об отлучившихся из колоний 6 колонистах-фабрикантах и о двух сыновьях умершего колониста Нассейда, неизвестно где пребывающих и не заплативших своего долга казне по водворению», учинен приказ об объявлении «через газеты обеих столиц» о том, чтобы не держать нигде упомянутых колонистов и сведения о них представлять в местные городскую и земскую полицию [Там же, л. 119 об., 120].

Что касается дела о колонисте Кармазини, то Екатеринославская Контора, по предписанию Попечительного Комитета, передала «всю заведенную переписку» и его самого в ведение Екатеринославского губернского правления «для суждения по законам» [Там же, л. 82, 82 об.]. Позже Екатеринославская градская полиция уведомила Контору о том, что Кармазини на поставленный вопрос «желает ли он навсегда остаться в России или же возвратиться в свое отечество» ответил, «что желает остаться в России и быть причисленным в число Екатеринославских городских колонистов» [Там же, л. 116 об.]. Попечительный Комитет обратился в Екатеринославское губернское правление о принятии колониста Кармазини, вместе с другими проживавшими в г. Екатеринославе колонистами, «в городское ведомство» [Там же, л. 112]. Однако решение этого вопроса затягивалось в связи с незаконностью рассмотрения дела Кармазини в Павлоградском уездном суде. Там же оправдывались тем, что отсутствуют

необходимые решения Павлоградского и Новомосковского нижних земских судов, несмотря на неоднократные требования от них завершения судопроизводства [2, л. 141].

6 марта 1825 г. Екатеринославская Контора сообщила в Попечительный Комитет о том, что, по донесению Ямбургского сельского приказа, находившийся в колонии Ямбург школьный учитель Карл Людвиг Кармазини умер 20 января 1825 г. [Там же, л. 123]. Она же поручила управляющему делами Иозефстальского округа титулярному советнику Гончарову удостовериться на месте, не осталось ли после его смерти «какого-либо значительного имущества, которое могло бы служить обеспечением состоящего на нем в немалом количестве казенного долга» [Там же, л. 123 об.]. По заключению Гончарова, Кармазини при жизни своей «был в столь бедном положении, что едва имел с женою и тремя дочерьми дневное пропитание и самонужнейшее да и то ветхое одеяние» [Там же, л. 123 об.]. Он также сообщал, что похоронили его за счет общества и «имения после него никакого не осталось» [Там же].

После смерти Кармазини между различными государственными учреждениями и судебными инстанциями продолжалась переписка о покрытии его долга. Попечительный Комитет, с участием Екатеринославской Конторы, стремился добиться выполнения решения Екатеринославского уголовного суда (от 22 декабря 1821 г.) о взыскании денег с тех лиц, у которых Кармазини «без всякого письменного вида проживал» [Там же, л. 163, 164]. Это дало бы возможность списать данный долг, как утверждалось, с Молочанского колониетского округа, числившийся «по ведомству Таврической казенной экспедиции». Екатеринославское губернское управление, заслушав по данному делу гражданского губернатора, объявило Павлоградскому нижнему земскому суду «за такую непомерную медлительность» «строжайший выговор», а от уездного суда строжайше потребовало подать исполнительный рапорт через 10 дней [Там же, л. 180, 180 об.]. Однако, как свидетельствуют архивные документы, лишь спустя более 7 лет Екатеринославская Палата уголовного суда на основании поступившей к ней «ревизии из Павлоградского уездного суда» направила свое заключение по делу Кармазини, в части его казенного долга, в адрес Таврической казенной экспедиции. Оно датировано 12 ноября 1834 г. В нем, в частности, было отмечено, что долг Кармазини включал деньги, полученные от казны «в ссуду для одежды, лекарства, хлебных семян и фуража лошадям» [Там же, л. 190 об.]. Важным представляется вывод суда о том, что к выплате казенного долга в сумме 1285 рублей 11 копеек Кармазини

«со стороны его начальства побуждаем не был» [Там же, л. 191]. Причина его неплатежеспособности усматривалась в том, что он, «оставаясь в неизвестности по 1820 г.», не был «водворенным ни в какую-либо колонию к постоянному жительству и оседлости» [Там же, л. 191-192]. Фактически суд в деле Кармазини устанавливал определенную степень вины со стороны органов управления иностранными колонистами. Вместе с тем какого-либо конкретного юридического определения им на сей счет вынесено не было.

Руководствуясь Манифестом императора Николая I от 22 августа 1826 г., суд освободил «передержателей» Кармазини от уплаты числившегося за ним казенного долга по ведомству Таврической казенной экспедиции [Там же, л. 192 об., 193]. Это решение подтверждено было и губернатором. Но, как оказалось, по ведомству сей Экспедиции на колонисте К. Л. Кармазини «долгу никакого не числится». [Там же, л. 193, 193 об.]. Поэтому, собираясь его списать окончательно, она запрашивала Попечительный Комитет о предоставлении ей информации о том, не числится ли означенный долг по его ведомству. Из документов известно, что Екатеринославская Контора еще 30 июля 1826 г. исключила сей долг «у себя» и по Таврической губернии [Там же, л. 199 об.].

Рассмотренное в данной статье дело К. Л. Кармазини позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, ясно, что ситуация, в которой оказался Кармазини, не была случайной и исключительной. Она повторялась в немалом числе других подобных примеров. Причины ее заключались в том, что в сельские колонии записывали, в определенных случаях, и тех переселенцев, которые не были у себя на родине связаны с земледельческим трудом. Будучи к нему «неспособными» и в новых условиях, они вынуждены были искать выход по собственному усмотрению. Таким образом, можно утверждать, что в России, в деле «водворения колонистов», существовали значительные организационные недочеты, которые могли повлечь за собой нарушение законов.

Во -вторых, не всегда правовое оформление статуса колониста воспринималось иностранными переселенцами адекватно. Получая разрешительные документы, в том числе и паспорта, на временное трудоустройство, некоторые колонисты допускали нарушение установленных сроков. Они переходили с места на место, теряя связь с органами управления иностранными колониями. Пример Кармазини показал, что по ревизии 1816 г. он был отмечен «в убылой графе находящихся в бегах» «по Мелитопольскому уезду Молочанского колонистского округа колонии Молочной (она же Пришиб)» [Там же, л. 199]. А «обнаружен» был, как нарушитель закона, лишь в 1820 г.

В-третьих, так называемое «передержательство» нанимавшихся на работу колонистов допускали российские частные собственники, в значительной части владельцы имений. Как видно, они не очень были озабочены собственным нарушением законов. Рост числа таких случаев вызывал обеспокоенность прежде всего органов управления иностранными колониями.

В-четвертых, процедура рассмотрения дела Кармазини в судебных органах подтверждает известный вывод специалистов о том, что в царской России судопроизводство отличалось медлительностью и волокитой.

В-пятых, и это самое важное, именно дело Кармазини послужило основанием для постановки вопроса Попечительным Комитетом о принятии высочайшего указа о том, чтобы рассматривать «передержательство колонистов» как «передержательство беглых людей». Оно же стало поводом

Библиографические ссылки

1. Айсфельд, А. Российские немцы и самоуправление: планы и действительность [Текст] / А. Айсфельд // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871-1941): материалы 8-й междунар. науч. конф. 13-16 окт. 2001 г. - М., 2002. - С. 30-53.

для начала диалога органов управления иностранными колониями с военным ведомством по вопросу принятия колонистов на военную службу.

Таким образом, в представленном в данной статье частном деле К. Л. Кармазини отразились некоторые общие аспекты правового и социального положения иностранных колонистов в России.

2. Государственный архив Одесской области. - Ф. 6, оп. 1, д. 1401.

3. Плева, И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века [Текст] / И. Р. Плева. - М., 1998.

4. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. - Собр. 1-е. - Т. 16. - № 11720, 11880.

5. Причерноморские немцы в жизни и деятельности г. Одессы и региона. 1803-2003 [Текст] / сост. В. Самодурова [и др.]; науч. ред. и авт. вступ. ст. А. Айсфельд, Н. Шевчук. - О., 2003. - С. 87-92.

6. Свод законов Российской империи [Текст]. - 1857. - Т. 11, ч. 1.

7. Шадт, А. Правовой статус немецких колонистов в России XVIII- XIX вв. (Состояние вопроса и постановка проблемы) [Текст] // Немцы России : социально-экономическое и духовное развитие (1871-1941)... - С. 15- 29.

8. Gesetzgebung für die Kolonien der Ausländer im Reiche = Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в империи [Текст]. Aus dem XII. Bande des Gesetzbuches. - О, 1867.

Надійшла до редколегії 01.04.09